

ВСЕРОССИЙСКАЯ ОЛИМПИАДА ШКОЛЬНИКОВ
ПО ЛИТЕРАТУРЕ. 2016–2017 уч. г.
ШКОЛЬНЫЙ ЭТАП. 11 КЛАСС

1. [30 баллов] ТВОРЧЕСКОЕ ЗАДАНИЕ

Прочитайте три высказывания знаменитых писателей о поэзии (словесном искусстве) и живописи, а также три предложения, теоретически объясняющие различие этих двух видов искусства. Ниже представлена картина русского художника – как некое остановившееся мгновение, как пространство, застывшее во времени. Ваша задача – оживить картину с помощью слов, то есть дать описание событий (или процессов, душевных переживаний), происходивших с героем (героями) картины до начала запечатлённого на картине мгновения и после него. Вы можете, кроме описания, при необходимости сочинить диалог (монолог) героев (героя). Обращайте внимание на детали картины. Включите в Ваше повествование также и момент, изображённый на картине.

Дополнительное задание

Найдите и укажите эпизоды (или персонажей) из произведений русской литературы, сходные с изображёнными на картине. Назовите произведение, автора и героев.

Остановись, мгновенье! (И.-В. Гёте)

Живопись изображает тела и опосредованно при помощи тел движения... (Г.Э. Лессинг)

Мне кажется, что описать человека собственно нельзя; но можно описать, как он на меня подействовал. (Л.Н. Толстой)

Живопись есть молчащая поэзия, а поэзия – говорящая живопись.

В поэзии – действие как процесс, как развёртывающееся во времени и пространстве событие или лирическое переживание – вот что составляет основу поэтического мира.

Живопись противоположна поэзии, потому что в живописи доминирует не время, а пространство, не действие, а *статуарность*.

В.В. Пукирев. «Неравный брак» (1863)

Примечание: художник на этой картине написал автопортрет со скрещёнными руками (позади невесты).

2. [40 баллов] ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ТЕКСТА

Выберите для аналитической работы ИЛИ прозаический, ИЛИ стихотворный текст. Пишите связно, свободно, понятно, доказательно и грамотно. Рекомендуемый объём – 300–400 слов.

Василий Макарович Шукшин (1929–1974)

ВОСКРЕСНАЯ ТОСКА

Моя кровать – в углу, его – напротив. Между нами – стол, на столе – рукопись, толстая и глупая. Моя рукопись. Роман. Только что перечитал последнюю главу и стало грустно: такая тягомотина, что уши вянут. Теперь лежу и думаю: на каком основании вообще человек садится писать? Я, например. Меня же никто не просит.

...Да, так на каком основании человек бросает все другие дела и садится писать? Почему хочется писать? Почему так сильно – до боли и беспокойства – хочется писать? Вспомнился мой друг Ванька Ермолаев, слесарь. Дожил человек до тридцати лет – не писал. Потом влюбился (судя по всему, крепко) и стал писать стихи.

– Кинь спички, – попросил Серёга.

Я положил коробок спичек на стол, на краешек. Серёга недовольно крякнул и, не вставая, потянулся за коробком.

– Муки слова, что ли? – спросил он.

Я молчу, продолжаю думать. Итак: хочется писать. А что я такое знаю, чего не знают другие, и что даёт мне право рассказывать? Я знаю, как бывает

в степи ранним летним утром: зелёный тихий рассвет. В низинах лёгкий, как дыхание, туман. Тихо. Можно лечь лицом в пахучую влажную траву, обнять землю и слушать, как в её груди глубоко шевелится огромное сердце. Много понимаешь в такие минуты, и очень хочется жить. Я это знаю.

– Опять пепел на пол стряхиваешь! – строго заметил Серёга.

Я свесился с кровати и сдул пепел под кровать. Серёга сел на своего коня. Иногда мне кажется, что я его ненавижу. Во-первых, он очень длинный. Я этого не понимаю в людях. Во-вторых, он правдивый до тошноты и любит хлопать своими длинными ручищами меня по спине. В-третьих – это главное, – он упрям, как напильник. Он полагает, что он очень практичный человек, и называет себя не иначе – реалистом.

«Мы, реалисты...» – начинает он всегда и смотрит при этом сверху снисходительно и глупо, и массивная нижняя челюсть его подаётся вперёд. В такие минуты я знаю, что ненавижу его.

– Отчего такая тоска бывает, романтик? Не знаешь? – спрашивает Серёга безразличным тоном (не очень надеется, что я заговорю с ним). Сейчас он сядет на кровати, переломится пополам и будет тупо смотреть в пол. Надо поговорить с ним.

– Тоска? От глупости в основном. От недоразвитости. – Очень хочется как-нибудь уязвить этот телеграфный столб. Нисколько он не практичный, и не холодный, и не трезвый. И тоски у него нету. Я всё про него знаю.

– Неправда, – сказал Серёга, садясь на койке и складываясь пополам. – Я заметил, глупые люди никогда не тоскуют.

– А тебе что, очень тоскливо?

– То есть... на белый свет смотреть тошно.

– Значит, ты – умница.

Пауза.

– Двадцать копеек с меня, – говорит Серёга и смотрит на меня серыми правдивыми глазами, в которых ну ни намёка на какую-то холодную, расчётливую мудрость. Глаза умные, в них постоянно светится мягкий ровный свет. Может, и правда, что ему сейчас тоскливо, но зато уж и лелеет он её, и киснет как-то подчёркнуто. Смотреть на него сейчас неприятно. Он, наверное, напрашивается на спор, и, если в спор этот ввязаться, он будет до посинения доказывать, что искусство, стихи, особенно балет – всё это никому не нужно. Кино – ничего, кино можно оставить, а всю остальную «бодягу» надо запретить, ибо это сбивает людей с толку, «расхолаживает» их. Коммунизм строят! Рассчитывают вот этим местом (постукивание пальцем по лбу) и строят! Мне не хочется сейчас говорить Серёге, что он придумал свою тоску, не хочется спорить с ним. Хочется думать про степь и про свой роман.

– Ох и тоска же! – опять заныл Серёга.

– Перестань, слушай.

– Что?

– Ничего. Противно.

– В твоём романе люди не тоскуют? Нет?

«Не буду спорить. Господи, дай терпения».

– У тебя, наверно, положительные герои стихами говорят. А по утрам все делают физзарядку. Делают зарядку?

«Не буду ругаться. Не буду».

– Песни, наверно, поют о спутниках, – продолжает Серёга, глядя на меня злыми весёлыми глазами. – Я бы за эти песенки, между прочим, четвертовал. Моду взяли! «Назначаю я свидание на Луне-е!..» – передразнил он кого-то. – Уже свиданье назначил! О! Да ты попади туда! Кто-то голову ломает – рассчитывает, а он уже там. Кретины!

Я молчу. Между прочим, насчёт песенок – это он верно, пожалуй.

Серёга тоже замолчал. Малость, наверно, легче стало. Некоторое время у нас в комнате очень тихо. Я снова настраиваюсь на степь и на зори.

– Дай роман-то свой почитать, – говорит Серёга.

– Пошёл ты...

– Боишься критики?

– Только не твоей.

– Я ж читатель.

– Ты читатель?! Ты робот, а не читатель. Ты хоть одну художественную книгу дочитал до конца?

– Это ты зря, – обиделся Серёга. – Надо писать умнее, тогда и читать будут. А то у вас положительные герои такие уж хорошие, что спиться можно.

– Почему?

– Потому что никогда таким хорошим не будешь всё равно. – Серёга поднялся и пошёл к выходу. – Пройтись, что ль, малость.

Когда он вышел, я поднялся с койки и подсел к рукописи. Один положительный герой делал-таки у меня по утрам зарядку. Перечитал это место, и опять стало грустно. Плохо я пишу.

Не только с физзарядкой плохо – всё плохо. Какие-то бесконечные «шалые ветерки», какие-то жестяные слова про закат, про шелест листьев, про медовый запах с полей... А вчера только пришло на ум красивейшее сравнение, и я его даже записал: «Писать надо так, чтобы слова рвались, как патроны в костре».

Какие уж тут к чёрту патроны! Пуговицы какие-то, а не слова.

В комнату постучали.

– Да!

В дверь заглянула маленькая опрятная головка. Пара ясных глаз с припухшими со сна веками (ещё только десять часов воскресного дня).

– Серёжи... Здравствуйте! Серёжи нету?

– Серёжи нету. Он только что вышел куда-то.

– Извините, пожалуйста.

– Он придёт скоро.

– Хорошо.

Сейчас у Серёжи начнётся праздник. Тоску его липовую как ветром сдует. Он любит эту маленькую опрятную головку, любит тихо, упорно и преданно. И не говорит ей об этом. А она какая-то странная: не понимает этого. Сидят часами вместе, делают расчёт какого-нибудь узла двигателя внутреннего сгорания. Серёжу седьмой пот прошибает – волнуется, оглобля такая. Не смотрит на девушку – её зовут Лена, – орёт, стучит огромным кулаком по конспекту.

– Какой здесь кпд?!

Леночка испуганно вздрагивает.

– Не кричи, Серёжа.

– Как же не кричать?! Как же не кричать, когда тут элементарных вещей не понимают!

– Серёжа, не кричи.

Серёга будет талантливый инженер. В минуты отчаяния я завидую ему. К сорока годам это будет сильный, толковый командир производства. У него будет хорошая жена, вот эта самая Леночка с опрятной головкой. Я подозреваю, что она давно всё понимает и сама тоже любит Серёгу. Ей, такой хорошенькой, такой милой и слабенькой, нельзя не любить Серёгу. У них будет всё в порядке. У меня же... Меня, кажется, эти «шалые низовые ветерки» в гроб загонят раньше времени. Я обязательно проморгаю что-то хорошее в жизни.

Вошёл Серёга.

– Прошёлся малость.

– К тебе эта приходила. Просила, чтоб ты зашёл к ней.

– Кто?

– Лена. Кто!

Серёга побагровел от шеи до лба.

– Зачем зайти?

– Не знаю.

– Ладно трепаться. – Он спокойно (спокойно!) прошёл к койке, прилёг.

Я тоже спокойно говорю:

– Как хочешь. – И склоняюсь к тетради. Меня душит злость. Всё-таки нельзя быть таким безнадежным идиотом. Это уже не застенчивость, а болезнь.

– Дай закурить, – чуть охрипшим голосом просит Серёга.

– Идиот!

Стало тихо.

– Вот так же тихо, наверно, стало, когда Иисус сказал своим ученикам: «Братцы, кто-то один из вас меня предал». – Когда Серёге нечего говорить, он шутит. Как правило, невпопад и некстати. – Дай закурить всё-таки.

– Дождёшься ты, Серёга: подвернётся какой-нибудь вьюн с гитарой – только и видел свою Леночку. Взвоешь потом.

Серёга сел, обхватил себя руками. Долго молчал, глядя в пол.

– Ты советуешь сходить к ней? – тихо спросил он.

– Конечно, Серёга! – Я прямо тронут его беспомощностью. – Конечно, сходить. На, закури и иди.

Серёга встал, закурил и стал ходить по комнате.

– Со стороны всегда легко советовать...

– Баба! Трус! Ты же пропадёшь так, Серёга.

– Ничего.

– Иди к ней.

– Сейчас пойду, чего ты привязался! Покурю – и пойду.

– Иди прямо с папироской. Женщинам нравится, когда при них курят. Я же знаю... Я писатель как-никак.

– Не говори со мной, как с дураком. Пусть в твоих романах курят при женщинах. Остряк!

– Иди к ней, дура! Ведь упустишь девку. Сегодня воскресенье... Ничего тут такого нет, если ты зашёл к девушке. Зашёл и зашёл, и всё.

– Значит, она не просила, чтобы я зашёл?

– Просила.

Серёга посмотрел на меня подозрительным тоскливым взглядом.

– Я узнаю зайду.

– Узнай.

Серёга вышел.

Я стал смотреть в окно. Хороший парень Серёга. И она тоже хорошая. Она, конечно, не талантливый инженер, но... в конце концов надо же кому-то и помогать талантливым инженерам. Оказалась бы она талантливой женщиной, развязала бы ему язык... Я представляю, как войдёт сейчас к ним в комнату Серёга. Поздоровается... и ляпнет что-нибудь вроде той шутки с Иисусом.

Потом они выйдут на улицу и пойдут в сад. Если бы я описывал эту сцену, я бы, конечно, вlepил сюда и «шалый ветерок», и шелест листьев. Ничего же этого нет! Есть, конечно, но не в этом дело. Просто идут по аллейке двое: парень и девушка. Парень на редкость длинный и нескладный. Он молчит. Она тоже молчит, потому что он молчит. А он всё молчит. Молчит, как проклятый. Молчит, потому что у него отняли его логарифмы, кпд... Молчит, и всё. Потом девушка говорит:

– Пойдем на речку, Серёжа.

– М-м. – Значит, да.

Пришли к речке, остановились. И опять молчат. Речечка течёт себе по песочечку, птички разные чирикают... Теплынь. В рожице у воды настоялся крепкий тополиный дух. И стоят два счастливейших на земле человека и томятся. Ждут чего-то.

Потом девушка заглянула парню в глаза, в самое сердце, обняла за шею... прильнула...

– Дай же я поцелую тебя! Терпения никакого нет, жердь ты моя бессловесная.

Меня эта картина начинает волновать. Я хожу по комнате, засунув руки в карманы, радуюсь. Я вижу, как Серёга от счастья ошалело вытаращил глаза, неумело, неловко прижал к себе худенького, тёплого родного человека с опрятной головкой и держит – не верит, что это правда. Радостно за него, за дурака. Эх... пусть простит меня мой любимый роман с «шалыми ветерками», пусть он простит меня! Напишу рассказ про Серёгу и про Лену, про двух хороших людей, про их любовь хорошую.

Меня охватывает тупое странное ликование (как мне знакомо это предательское ликование). Я пишу. Время летит незаметно. Пишу! Может, завтра буду горько плакать над этими строками, обнаружив их постыдную беспомощность, но сегодня я счастлив не меньше Серёги.

Когда он приходит вечером, я уже дописываю последнюю страницу рассказа, где «он», счастливый и усталый, возвращается домой.

– Серёжа, я про тебя рассказ написал. Хочешь почитаю?

– Хм... Давай!

Мне некогда разглядывать Серёгу, я не обращаю внимания на его настроение. Я ставлю точку в своём рассказе и начинаю читать.

Пока я читал, Серёга не проронил ни одного слова – сидел на кровати, опустив голову. Смотрел в пол.

Я дочитал рассказ, отложил тетрадь и стал закуривать. Пальцы мои легонько тряслись. Я ждал, что скажет Серёга. Я не смотрел на него. Я внимательно смотрел на коробок спичек. Мне рассказ нравился. Я ждал, что скажет Серёга. Я ему верю. А он всё молчал. Я посмотрел на него и встретился с его весёлым задумчивым взглядом.

– Ничего, – сказал он.

У меня отлегло от сердца. Я затараторил:

– Много не угадал? Вы где были? На речке?

– Мы нигде не были.

– Как?

– Так.

– Ты был у неё?

– Нет.

– О-о! А где ты был?

– А в планетарий прошёлся... – Серёга, чтобы не видеть моего глупого лица, прилёг на подушку, закинул руки за голову. – Ничего рассказ, – ещё раз сказал он. – Только не вздумай ей прочитать его.

– Серёжа, ты почто не пошёл к ней?

– Ну почто, почто!.. Пото... Дай закурить.

– На! Осёл ты, Серёга!

Серёга закурил, достал из-под подушки журнал «Наука и жизнь» и углубился в чтение – он читает эти журналы, как хороший детективный роман, как «Шерлока Холмса».

(1962)

Зинаида Николаевна Гиппиус (1869–1945)

ИГРА

Совсем не плох и спуск с горы:
Кто бури знал, тот мудрость ценит.
Лишь одного мне жаль: игры...
Её и мудрость не заменит.

Игра загадочней всего
И бескорыстнее на свете.
Она всегда – ни для чего,
Как ни над чем смеются дети.

Котёнок возится с клубком,
Играет море в постоянство...
И всякий ведал – за рулём –
Игру бездумную с пространством.

Играет с рифмами поэт,
И пена – по краям бокала...
А здесь, на спуске, разве след –
След от игры остался малый.

<1930-е>

Максимальный балл за все выполненные задания – 70.